

Semantic analysis of the name of the Spirit of Fire in the texts of Yakut folklore

The article reviews and analyzes the alleged names of the Spirit of Fire in Yakut folklore. The authors conclude that the Spirit of Fire doesn't have a single name. All alleged names are the epithets from the archaic layer which complete the descriptive characteristic and the whole image of the Spirit of fire.

Key words: Yakut folklore, Spirit of fire, semantics, fixed phrases, epithets, shamanistic lexicon, mythological ideas.

(Статья поступила в редакцию 05.09.2018)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л.В. ЖАРАВИНА
(Волгоград)

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ
В ПРОСТРАНСТВЕ ВИРТУАЛА:
«ДВОЙКОВЫПУКЛАЯ ЛИНЗА»
ВАРЛАМА ШАЛАМОВА
И «ТАЛАНТ ДВОЙНОГО ЗРЕНИЯ»
ГЕОРГИЯ ИВАНОВА**

Рассматривается эстетический аспект виртуала и процесса виртуализации как феноменов, отвечающих современному представлению о природе творческого процесса в целом и специфических установках отдельных авторов в аспекте поэтики.

Ключевые слова: адекватность, виртуал, виртуализация, теория отражения, фикция.

В современных условиях эстетика Средневековья и раннего Возрождения все увереннее формирует литературоведческие стратегии, о чем, в частности, свидетельствует феномен *эквивокации* как способ углубления и расширения традиционной тропологии [5]. Еще более наглядное «воскрешение» произошло с понятиями *виртуал*, *виртуализация*, *виртуальная действительность* и т. п., приобретенными

огромную популярность в постклассической гуманитаристике в связи с развитием инновационных технологий. Однако дело не только в них, но в сложных перипетиях исторической судьбы данного категориально-понятийного комплекса. Рассматривая процесс метафоризации в аспекте психологии ощущений и воображения, Поль Рикёр подчеркнул его связь «с онтологическими притязаниями поэтической речи» [11, с. 427].

Конечно, «притязания» вполне уместны: метафора обладает потенциальной бытийственностью и ее возможности достаточно велики, однако и ограничены конкретной текстовой ситуацией. В этом отношении виртуальная реальность более самодостаточна, поскольку опирается на серьезнейшие религиозно-философские постулаты. Если «в Боге небытие есть сама возможность-бытие», то небытие «совпадает с возможностью возникнуть», – утверждал Николай Кузанский [9, с. 154]. Феномен *Posset*, т. е. *бытия-возможности*, или *возможности-бытия*, из которого разворачивается «все, что создано и будет создано», но существует до времени в «свернутом виде» [Там же, с. 141], и определялся терминами *кажимость*, или *виртуал*. Встает вопрос: имеет ли он какое-либо отношение к поэтической образности в целом и к поэтике конкретных авторов в частности? На наш взгляд, непосредственное.

Так, одна из причин позднего вхождения Варлама Шаламова в литературу заключалась в том, что его произведения были восприняты редакциями журналов и первыми рецензентами как элементарные очерки со множеством натуралистических подробностей, т. е. в русле теории отражения. Подобная интерпретация возмущала писателя, и, не отрицая «познавательного значения» «Колымских рассказов» [12, т. 6, с. 215], он считал нужным уточнить: «Познавательная часть – дело десятое, для автора, во всяком случае» [Там же, с. 493]. Еще более возмущала Шаламова вульгаризация поэзии. Поиски аналогичного «познавательного значения» своих стихов он считал «оскорбительно невежественной точкой зрения» [Там же, с. 498]. Отсюда неприязненное отношение к миметическим концепциям искусства в целом: «Отражать жизнь? Я ничего отражать не хочу <...>» [Там же, с. 538]. Или такое высказывание: «Каждый писатель отражает время, но не путем изображения виденного на пути, а познанием с помощью самого чувствитель-

ного в мире инструмента – собственной души, собственной личности <...>» [12, т. 6, с. 492]. Перенос акцента с объекта на субъект, в сферу ощущений, впечатлений, интенсивного самовыражения, стимулировал и другое несколько эпатажное заявление: «<...> правда поэзии выше правды художественной прозы» [Там же, с. 215].

Казалось бы, когнитивный механизм поэтического образного мышления более изощрен и по определению предполагает некую искусственность. Иронизировал же М.Е. Салтыков-Щедрин по поводу тех «сумасшедших», которым приходится «по целым часам ломать голову, чтобы живую, естественную человеческую речь втискивать, во что бы то ни стало, в размеренные рифмованные строчки! Это все равно, что кто-нибудь вздумал бы вдруг ходить не иначе, как по разостланной веревочке, да непременно еще на каждом шагу приседая» [8, с. 11]. Что ж, поэту действительно часто приходится, «балансируя», ходить «по разостланной веревочке», иногда едва уловимой глазом. Но Шаламов, как видели, руководствовался иной логикой. И в ней была своя истина, авторитетно «узаконенная» А.С. Пушкиным: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным» [10, с. 121]. Поэта – тем более. «На мир я гляжу своими глазами» [12, т. 6, с. 219], – декларативно заявлял Шаламов.

Если, согласно теории отражения, истина заключается в совпадении художественного образа и предмета, то процесс виртуализации обнажает условность и относительность, а иногда открытую невозможность такого совпадения. Виртуальный образ – это не искаженная реальность, но реальность, измененная сознанием, выражение авторской интенции, как говорят феноменологи, не употреблявшие понятие виртуального, но, по сути, опиравшиеся на него.

В пространстве виртуала органически сопрягаются, казалось бы, абсолютно несопоставимые феномены, в частности «Колымские тетради» Шаламова и эмигрантская поэзия Георгия Иванова. Сопряжение, конечно, более чем неожиданное: с творчеством поэта-эмигранта в советское время были знакомы лишь единицы, когда в годы «оттепели» эмигрантские издания начали изредка проскальзывать через границу. К данной категории избранных Шаламов никогда не относился. Тем удивительнее переключки двух авторов с абсолютно непохожей судьбой. Но именно ментально-

образные совпадения обнажают суть поэтической виртуалистики.

Впрочем, стихотворные тексты говорят сами за себя. Обратимся к Георгию Иванову. «Было все – и тюрьма и сума, / В обладании полном ума, / В обладании полном таланта, / В распроклятой судьбой эмигранта / Умираю...» – сказано в одном из последних стихотворений [6, т. 1, с. 571]. Такие или подобные строчки могли быть написаны человеком, за плечами которого, согласно реалиям времени, стояли гибель близких и непреходящая угроза собственной жизни. В общем, так оно и было, когда мы вспоминаем И.С. Шмелева, потерявшего единственного сына, или говорим об эмигрантах, за плечами которых участие в братоубийственной бойне: о Л. Зурове, Г. Газданове, А. Несмелове, В. Смоленском, Ю. Терапиано и др. «Их тоже прикончил Сталин, только не в концлагерях Колымы – иначе», – утверждала Н.Н. Берберова [2, с. 369].

Однако неординарность ситуации в том, что самого Георгия Иванова, некогда петербургского эстета и сноба из окружения Михаила Кузмина, наиболее губительные проявления революционного катаклизма обошли стороной, что, разумеется, вовсе не означает, что в голодном и холодном Петербурге, переполненном слухами о зверствах ЧК, поэт благоденствовал. Конечно, не благоденствовал он и в изгнании, если вспомнить, что последние годы жизни мэтр провел в доме призрения на юге Франции в Йере. Но и при всей тяжести (моральной и материальной) жизни на чужбине он все же не знал «ни тюрьмы, ни сумы», хотя, как свидетельствует Б.К. Зайцев, «трагедий, смертей, покушений на самоубийство вокруг сколько угодно» [3, т. 11, с. 67]. Тем не менее тот же Зайцев подчеркивал: «Жили и мы здесь бедно, но масштаб иной», имея в виду родных и знакомых, оставшихся в России [3, т. 11, с. 289]. Эмигрантская жизнь при всей ее неоднозначности и даже засилье «трамвайных нравов» [13, с. 198] не опускалась до «состояния зачеловечности» [12, т. 6, с. 487].

В таком историческом и житейском контексте строки Г.В. Иванова: «Веревка, пуля, каторжный рассвет / Над тем, чему названья в мире нет» [6, т. 1, с. 299] (или «В каторге я изнываю, / Черным дням веда подсчет» [Там же, с. 557] и т. п.) – способны породить искреннее недоумение, как и постоянный акцент на варьирующемся в его поэзии образе бездны: пропасть, дно жизни как дно бездонного колодца, дно души, преисподняя, ад, моги-

ла, даже берлога. «Мы все скользим над некой бездной. / Пока не наступает час...» [6, т. 1, с. 486]; «...Вот вылезаю, как зверь, из берлоги я, / В холод Парижа, сутулый, больной...» [Там же, с. 431]; «Лежу, как зверь больной, в берлоге я <...>» [Там же, с. 561] и заключение: «Я уже спустился в ад» [Там же, с. 569]. Спрашивается, зачем понадобилось поэту в высшей степени негативно мифологизировать свое существование? От «скуки мирового безобразья» [Там же, с. 384]? Но скука преодолима творчеством, и, кроме того, это далеко не высшая форма трагизма. Между тем стихи говорят о гибельных ударах судьбы, преследовавших и за пределами земного бытия. «Теперь, когда я сгнил и черви обглодали / До блеска остов мой и удалились прочь, / Со мной случилось то, чего не ожидали / Ни те, кто мне вредил, ни кто хотел помочь. // Любезные друзья, не стоил я презренья, / Прелестные враги, помочь вы не могли. / Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья, / Но даже черви им, увы, пренебрегли» [Там же, с. 373].

«Талант двойного зренья» – в этом и заключалась квинтэссенция поэтической позиции автора. Действительно, неоднократно отмечалась исследователями уникальная способность Г. Иванова соединять разнородное, в чем видели синтез акмеизма и символизма, рудименты романтического дуализма, парадоксы интертекстуальности и т. п. Все отмеченное справедливо, но в аспекте вышеозначенной проблемы важны соединение факта и фикции, фантома и его репрезентанта, наличие связки «тут-бытия» (М. Хайдеггер) с *там-бытием*, т. е. соотношение реальности и ее потенции, иначе говоря, *виртуала*.

Конечно, утверждать, что у Георгия Иванова оснований для столь беспроблемно мрачного понятийно-образного комплекса не было в принципе, не вполне справедливо. Во-первых, не имея личного опыта «ни тюрьмы, ни сумы», поэт обращался с теми, кто его имел. В своих мемуарах он приводит вопросы, которые ему задавались по приезде из большевистской России в Париж: «Правда ли, что Ахматова сидит в “пробке”?»». Получив отрицательный ответ, искренно огорчались и продолжали допытываться: «умирает ли с голоду и в последнем ли градусе чахотки...» [Там же, т. 3, с. 495]. Как и большинство эмигрантов, Г. Иванов со скепсисом воспринимал вести об успехах строительства социализма в СССР: «“было горе, будет горе”, ночной туман и сквозь него бутафорские огни пятiletки» [Там же, т. 3, с. 577]. Во-вторых, следует учесть, что для зарубежных соотечествен-

ников открытие лагерной темы состоялось задолго до солженицыновского «Одного дня Ивана Денисовича». Приведем некоторые публикации: «Двадцать шесть тюрем и побег из Соловков» Ю. Бессонова (Безсонова) (Париж, 1928 г.), «Россия в концлагере» И. Солоневича (публикация начата в парижской газете «Последние новости» в 1935 г.), проза Г. Андреева (псевдоним Н. Отрадин) 1950-х гг. («Соловецкие острова», «Горькие воды», «Трудные дороги»), «Неугасимая лампада» Б. Ширяева (Нью-Йорк, 1954 г.) и т. п. Они активно формировали круг чтения русскоязычного читателя за границей. Если не сами тексты, то хотя бы слухи о них, вероятнее всего, доходили до Г.В. Иванова, скончавшегося в 1958 г. Конечно, эти факты давали полное право утверждать в послевоенные годы: «Россия тридцать лет живет в тюрьме, / На Соловках или на Колыме. / И лишь на Колыме и Соловках / Россия та, что будет жить в веках» [6, т. 1, с. 617]. Более того, поэт, как и его современники, воочию наблюдали «сказочный рост гитлеровского могущества» [Там же, т. 3, с. 581], породившего в Европе концлагеря смерти. И, разумеется, как русского человека, его не могла оставить равнодушным «бесконечная, неизмеримая глубина всяческих русских страданий...» [Там же, т. 3, с. 581]. «...Узнает ли когда-нибудь она, / Моя невероятная страна, / Что было солью каторжной земли? // А впрочем, соли всюду грош цена: / Просыпали – мелкой подмели» [Там же, т. 1, с. 370]. Великой и искренней горечью исполнены эти стихи, ассоциативно усугубленные обращением Христа к апостолам: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям» (Мф. 5: 13). «Соль» Колымы, как и Соловков, давно и безжалостно была брошена властью на «поприще».

Да, сам поэт-эмигрант не испытал ни соловецких, ни колымских мучений, тем не менее он постоянно пишет о них и вполне адекватно реальному положению вещей, в чем убеждают шаламовские тексты. Выше цитировались строки Г. Иванова: «Снега, снега, снега... А ночь долга, / И не растают никогда снега. // Снега, снега, снега... А ночь темна <...>». Нетрудно понять: ледяные равнины отождествляются в сознании читателей Шаламова с зоной вечной мерзлоты, той «стылой землей», где, дорожа своим покоем, спят «нетленные мертвецы» [12, т. 3, с. 67]. Сон-смерть – одна из поэтических доминант как колымского за-

ключенного, так и завсегдатая парижских ботемных кафе.

«Тише. Тише. За полярным кругом / Спят, не разнимая рук, / С верным другом, с неразлучным другом, / С мертвым другом – мертвый друг» [6, т. 1, с. 395], – пишет Г. Иванов. Что это? Большая фантазия? Разыгравшееся воображение? Совсем нет. Это и есть поэтическая реализация принципа «двойного зренья». При этом виртуал (по сути – фикция) не противостоит исторической истине, но является формой раскрытия ее сути. Так «бытие-возможность» выходит из своей «свернутой» формы.

Доказано, что процитированные строки Г.В. Иванова о «мертвом друге» посвящены О.Э. Мандельштаму [1, с. 145], судьба которого эмигрантскими кругами была погружена в контекст легенд и мифов, пока не дошла достоверная весть о гибели поэта, хотя и лишенная какой-либо конкретики. Поэтому картина, воссозданная поэтом, одновременно истинна и вероятностна. Ведь и Шаламов не только представлял, как «живут» захороненные в колымских сопках нетленные мертвецы, но и видел «голодный блеск» их в глазах [12, т. 1, с. 398].

Более того, вероятностной логикой руководствовался он и при описании смерти О.Э. Мандельштама от алиментарной дистрофии в пересыльной тюрьме Владивостока (рассказ «Шерри-бренди»). Писатель не был свидетелем последних дней поэта, но аргументы в пользу достоверности повествования, которые он приводил, – это аргументы не строгого документалиста, но художника, для которого существует только одна правда – правда таланта. «Здесь описана смерть человека. Разве этого мало? <...> Здесь описана смерть поэта <...> Разве этого мало для “канонизации”?» [Там же, с. 150]. Тоже своеобразная опора на логику виртуала.

Отметим еще одну любопытную деталь: в письме к Р.Б. Гулю от 25 января 1956 г. Г.В. Иванов называет «конечные» даты своего творчества: «Я уже лет пять как пишу и говорю до 1946, 2086» [7, с. 15]. А.Ю. Арьев, считая, что последнее цифровое сочетание «не совсем понятно», предлагает несколько объяснений: элементарная описка или аберрация памяти, а возможно (на уровне подсознания), соотношение с антиутопиями Л.С. Мерсье «2440» или Дж. Оруэлла «1984» [Там же, с. 153]. Все три варианта, в принципе, приемлемы. Как объяснима и шаламовская горькая «игра» с да-

тами: «Зачем воскресать? К 1937 году – к аресту, к предательству друзей, к 1938 году – к Бутырской тюрьме, к 1939, к 1940, 1941 <...>» и так далее до 1951 г. [12, т. 5, с. 348]. Каждый раз приходилось начинать заново, и эти «несколько жизней» породили в запредельных условиях психологическую трансгрессию: «У меня не было прошлого <...> И верю – был я в будущем ...» [Там же, с. 342]. Вполне возможно, что 2086 г. – это виртуальное будущее Георгия Иванова.

Видимо, подобной трансгрессией и можно объяснить появление у Г. Иванова стихотворений, детально описывающих лагерный быт, его унифицирующую силу, растворяющую человека в массе подобных: «Я научился понемногу / Шагать со всеми – рядом, в ногу. / По пустякам не волноваться / И правилам повиноваться. // Встают – встаю. Садятся – сяду. / Стозначный номер помню свой. / Лояльно благодарен Аду / За звездный кров над головой» [6, т. 1, с. 390]. Практически к каждой строке можно найти соответствующее место из прозы или поэзии Шаламова. Здесь и подгоняемые «раскормленными, сытыми» собаками люди – с «синеватыми жесткими губами», «одинаковостью» лиц, цингой, «что навязла в зубах»; здесь и «мерка воды», измеряемая консервной банкой, второпях проглоченная пайка «сырого, липучего хлеба» [12, т. 3, с. 274] и т. п. Писатель, «пропитанный болью до самого дна» [Там же, с. 164], как известно, называл себя «Орфеем, спустившимся в ад» [Там же, т. 5, с. 151]. Благодарности аду он, естественно, не испытывал; другое дело, что со дна «библейского колодца» «дорога вьется <...> на небеса» [Там же, с. 93]. Но это уже иной поворот темы.

Разумеется, ни один эмигрант не жил без мысли об оставленной родине, но вспоминалась она по-разному. «Как о темной стороне Луны – о Советской России мы достоверно знаем, собственно, только то, что она существует» [6, т. 3, с. 576]. И это существование некогда родной, а теперь далекой страны было погружено одновременно и в массу фактов, и в огромное количество мифологем-фантомов, также породив соответствующие виртуальные образы поэзии Георгия Иванова, как, впрочем, и Шаламова.

И все же речь должна идти о большем, чем об ущемленных правах одних и мытарствах других. В частности, благодаря «таланту двойного зренья» родная земля представляла у эмигранта-парижанина в двух ипостасях. В

одном и том же стихотворении сказано: «Россия счастье. Россия свет» и одновременно Россия – некропространство, мертвая и умертвляющая ледяная пустыня: «И нет ни Петербурга, ни Кремля – / Одни снега, снега, поля, поля... // Снега, снега, снега... А ночь долга, / И не расстают никогда снега. // Снега, снега, снега... А ночь темна, / И никогда не кончится она. // Россия тишина. Россия прах. / А, может быть, Россия – только страх <...>» [6, т. 1, с. 299].

Для творческой эмиграции в сферу виртуала образ великой *России*, *Святой Руси* был вытеснен аббревиатурой *СССР* и насильно отодвинут на задворки истории. Однако и Шаламов, никогда не выезжавший за пределы страны, считал Колыму не подлинной русской землей, но «карцером России» [12, т. 4, с. 498]. Аналогичным образом *русские* Берлин, Париж или Харбин – искусственный пространственно-временной континуум, некая *mixt*-действительность, осложненная виртуальными значениями, лишенными субстанциальной основы-почвы.

Но не только изгнанников поддерживала мысль об оставленном родном гнезде. Политические ссыльные, оторванные от родных мест, но все же оставшиеся в границах прежнего Российского государства, также жили с ощущением навсегда потерянной родины. «Я с тобой, Россия, рядом / Собирать пойду цветы <...>» – читаем в стихотворении Шаламова с вполне «эмигрантским» названием «Воспоминание» [Там же, т. 3, с. 157]. Знаменательно: *рядом* с Россией, но *живя в России*. Только в России ли?

Другое дело, что для Шаламова идеальный хронотоп связывался не с Русью Сергия Радонежского или Серафима Саровского (он был далек от подобных параллелей), но с Россией 1920-х гг., временем бурной молодости, которая наполнялась острым чувством того, что «ты присутствуешь и сам участник какого-то важного поворота истории, да не русской, а мировой». Это сознание рождало надежды «на штурм неба», «выход в космос» [Там же, с. 431], другими словами, на грандиознейшие позитивные перемены, которые, разумеется, быстро обернулись иллюзией, т. е. тоже вышли за пределы исторической действительности в сферу виртуала.

Любопытен и еще один факт. У Георгия Иванова есть два четверостишия послевоенного периода (1953 г.): «Чем дальше живу я, тем менее / Мне ясно, чего я хочу. / Купил бы, пожалуй, имение. / Да чем за него заплачу? // По-

рою мечтаю прославиться / И тут же над этим смеюсь, / Не прочь и “подальше” отправиться, / А все же боюсь. Сознаюсь...» [6, т. 1, с. 424].

Стихотворение знаменательно тем, что отражает мысль о возвращении на родину соотечественников, впечатленных победой СССР во Второй мировой войне. Б.К. Зайцев по этому поводу писал: «Возвращаются сейчас те (немногие), кто все принял в России государственной. И пусть возвращаются» [3, т. 9, с. 241]. Таких случаев действительно было немало, хотя большинству «возвращенцев» пришлось оказаться узниками ГУЛАГа. Об этой иллюзорной мечте и пишет Г. Иванов, даже признается: «Не прочь и “подальше” отправиться <...>». К счастью, отправиться «подальше» не пришлось: «А все же боюсь. Сознаюсь...». Видимо, «прелести» своей «берлоги» он прочувствовал не только ментально, но и телесно-визуально.

Могут резонно возразить: сопоставление Варлама Шаламова с Георгием Ивановым в высшей степени условно, хотя бы потому, что поэтическая «страшилка»-виртуал поэта-эмигранта была для Шаламова более чем страшной реальностью. Да, это так. Но мы говорим о виртуализации лишь как средстве создания художественного образа, имевшем место в творчестве двух авторов. Другое дело, что феномен виртуалистики часто наполнялся у Шаламова обратным, позитивным, содержанием. И это закономерно: лагерный виртуал для русского парижанина – своеобразный «допинг», подстегивающий воображение; для героев Шаламова, как и самого автора, «кажимость» блага выполняла жизненно стимулирующую функцию как выражение психической защиты. Отсюда непонятное на первый взгляд признание, согласно которому именно Колыма заставила «окончательно и бесповоротно» поверить «в «великую, ни с чем на свете не сравнимую удивительную реальную силу поэзии» [12, т. 6, с. 212]. И действительно, перевод реалий лагерной жизни в поэтический контекст часто символизировал желанный счастливый поворот судьбы, ассоциируясь с выигрышем в Монте-Карло, казино, даже с «плаваньем “Кон-Тики” по человеческим морям» [Там же, т. 2, с. 191].

Так, одним из самых непостижимо-прекрасных видений колымчанина было видение «римских звезд» на «скошенном чертеже небосвода Дальнего Севера» сквозь ветхое одеяло в холодной палатке [Там же, т. 2, с. 296–297]. С позиций теории отражения это отожд-

дествление северных и южных звезд – фантом изголодавшегося мозга, феномен ИСС (измененных состояний сознания). С позиций виртуалистики – потенциальная реальность, итог столкновения восприятия настоящего (небо Колымы) с увлечениями историей Древнего Рима (рассказ «Перчатка») (см.: [4, с. 8–28]). Иная содержательная наполненность образа-репрезентанта не мешает создать возвышенный виртуал. Кстати, один из циклов, входящий в «Колымские тетради», называется «Высокие широты». Вообще, если судить по названиям циклических объединений, то они весьма показательны: либо нейтральное обозначение («Синяя тетрадь»), либо сказочно-эстетизированное («Златые горы»), либо проникнутые душевной теплотой и ожиданием соучастия («Сумка почтальона», «Лично и доверительно»), не исключая при этом активного противопоставления (цикл «Кипрей»): «Я в воде не тону / И в огне не сгораю» [12, т. 3, с. 188].

Не будем забывать, что личность, наделенная подлинным творческим потенциалом, способна сформировать собственный пространственно-временной континуум даже в экстремальных условиях. Несмотря на то, что «Колыма для всех одна» [Там же, т. 2, с. 303], «эритроциты жертвы» [Там же, т. 2, с. 285] были в крови у каждого, люди, сохранявшие понятия о чести и достоинстве, активизировали адаптационные механизмы сознания, создававшие эффект психологического дистанцирования. «Так вот и хожу / На вершок от смерти. / Жизнь свою ношу / В синеньком конверте. // То письмо давно, / С осени, готово. / В нем всего одно / Маленькое слово. // Может, потому / И не умираю, / Что тому письму / Адреса не знаю» [Там же, с. 145]. В письме Б.Л. Пастернаку позиция сформулирована четко: «<...> я пытался то робко, то в отчаянии стихами спасти себя от подавляющей и растлевающей души силы этого мира, мира, к которому я так и не привык за семнадцать лет» [Там же, т. 6, с. 32].

В итоге возникает эффект, названный автором эффектом «двояковыпуклой линзы» [Там же, с. 303], способной создавать изоцированные обманные фантомы: «Оптический обман – / Изнанка ностальгии, / Морозный наш туман / Масштабы дал другие. // В рулетках и часах, / В любви и в преступленье, / Чтоб мы о чудесах / Имели представление» [Там же, с. 26]. Конечно, это чудо: на северных широтах слышать, «как растет трава» [Там же, с. 14]. Но в другом «колымском» сти-

хотворении «оптический обман» выразился в описании «голового» леса, насквозь просвеченного янтарными лучами «жесткого» январского солнца и при этом уродливо искалеченного ими [12, т. 3, с. 356]. Поистине: «Свет – порождение наших глаз, / Свет – это боль, / Свет – испытание для нас, / Для наших воль. // Примета света лишь в одном: / В сознание тьмы, / И можно бредить белым днем, / Как бредим мы» [Там же, с. 297].

Конечно, поэзия предполагает больше возможностей для формирования виртуальной образности, хотя и «Колымские рассказы» содержат немало выходящего за пределы «тутбытия». Для многих эмигрантов, даже для тех, кто прочно осел в Европе, Россия осталась сказочной «заморской» страной. Но точно так же для колымских лагерников земля по ту сторону проволоки-границы представляла чудесным миражом, «в существование которой мы уже почти не верили или, вернее, верили так, как школьники верят в существование какой-нибудь Америки» [Там же, т. 1, с. 119].

Поэтические образы Шаламова, созданные по принципу виртуализации, раскрывают не только «тайное тайных» поэтического «я», но и, согласно классическому определению виртуала, выражают то, что существует до времени в «свернутом виде» [9, с. 141]. В стихотворении «Жар-птица», включенном в «Колымские тетради», об этом сказано прямо: «Ты – витанье в небе черном, / Бормотанье по ночам. / Ты – соперничество горным / Разговорчивым ключам. // Ты – полет стрелы каленой, / Откровенной сказки дар / И внезапно заземленный / Ослепительный удар, // *Чтоб в его мгновенном свете / Открывались те черты, / Что держала жизнь в секрете / Под прикрытьем темноты*» (курсив наш. – Л.Ж.) [12, т. 3, с. 196]. Естественно, что цель и содержание шаламовского виртуала в корне отличается от ивановского: «<...> иногда оленьи нарты / Сойти, мне кажется, могли / За ученические парты, / За парты на краю земли, // Где я высокую науку / Законов жалости постиг <...>» [Там же, с. 208].

Казалось бы, стихи: «Я – чей-то сон, я – чья-то жизнь чужая, / Прожитая запалом, второпях. / Я изнемог, ее изображая / В моих неясных, путаных стихах» [Там же, с. 221] – вполне адекватны поэзии Георгия Иванова, надевавшего «маску» лагерника. Но написаны они Варламом Шаламовым, за 20 лагерных лет прожившим не одну, а несколько вообще не виртуальных, *своих страшных*, жизней!

И хотя поэт декларативно заявлял: «Я не скажу, я не раскрою тайны, / Не обнажу закрытого лица, / Которое поистине случайно / Не стало ликом – ликом мертвеца» [12, т. 3, с. 222], – совершенно очевидно, что никакой «тайны» не было. «И физические, и духовные силы мои оказались крепче, чем я думал – в этой великой пробе сил <...>» [Там же, т. 4, с. 626]. Перевод существования в план (пусть и виртуальный) вечных ценностей облегчал быт мученика, превращая его в Бытие. Собственно говоря, и Г.В. Иванов из эстетствующего скептика стал крупнейшим поэтом русского зарубежья. Да, «торьма» и «сума» были часто формой виртуализации реальности, но раздумья о судьбах соотечественников не исчерпывались ею. Именно поэтому «двояковыпуклая линза» Варлама Шаламова, как и «талант двойного зренья» Георгия Иванова, – явления соизмеримые.

Список литературы

1. Арьев А.Ю. Георгий Иванов и Осип Мандельштам // Георгий Владимирович Иванов. 1894–1958. Исследования и материалы. По итогам Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию со дня смерти Г.В. Иванова. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2011. С. 129–150.
2. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М.: АСТ: АСТРЕЛЬ, 2011.
3. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: в 11 т. М.: Рус. кн., 1999–2001.
4. Жаравина Л.В. «И верю, был я в будущем»: Варлам Шаламов в перспективе XXI века. М.: Флинта – Наука, 2014.
5. Жаравина Л.В. Цикл А. Блока «Заклятие огнем и мраком» в художественном контексте В. Шаламова: параллели и контрпараллели // Изв. Волгogr. гос. пед. ун-та. 2017. № 4(117). С. 145–152.
6. Иванов Г.В. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Согласие, 1994.
7. Иванов Г.В. Девять писем к Роману Гулю / публ. Г. Поляка. Комм. А. Арьева // Звезда. 1999. № 3. С. 139–158.
8. Кривенко С.Н. Михаил Салтыков-Щедрин. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. Пг.: б/и, 1914.
9. Кузанский Николай. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 10.
11. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
12. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004–2005.
13. Яновский В.С. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Гудьял-Пресс, 2000. Т. 2.

* * *

1. Ar'ev A.Ju. Georgij Ivanov i Osip Mandel'shtam // Georgij Vladimirovich Ivanov. 1894–1958. Issledovanija i materialy. Po itogam Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 50-letiju so dnja smerti G.V. Ivanova. M.: Izd-vo Lit. in-ta im. A.M. Gor'kogo, 2011. S. 129–150.
2. Berberova N.N. Kursiv moj: Avtobiografija. M.: AST: ASTREL', 2011.
3. Zajcev B.K. Sobranie sochinenij: v 11 t. M.: Rus. kn., 1999–2001.
4. Zharavina L.V. «I verju, byl ja v budushhem»: Varlam Shalamov v perspektive XXI veka. M.: Flinta – Nauka, 2014.
5. Zharavina L.V. Cikl A. Bloka «Zakljatie ognem i mrakom» v hudozhestvennom kontekste V. Shalamova: paralleli i kontrparalleli // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2017. № 4(117). S. 145–152.
6. Ivanov G.V. Sobranie sochinenij: v 3 t. M.: Soglasie, 1994.
7. Ivanov G.V. Devjat' pisem k Romanu Gulju / publ. G. Poljaka. Komm. A. Ar'eva // Zvezda. 1999. № 3. S. 139–158.
8. Krivenko S.N. Mihail Saltykov-Shhedrin. Ego zhizn' i literaturnaja dejatel'nost'. Biograficheskij ocherk. Pg.: b/i, 1914.
9. Kuzanskij Nikolaj. Sochinenija: v 2 t. M.: Nauka, 1980. T. 2.
10. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. T. 10.
11. Rikjor P. Metaforicheskij process kak poznanie, voobrazhenie i oshhushhenie // Teorija metafory. M.: Progress, 1990. S. 416–434.
12. Shalamov V.T. Sobranie sochinenij: v 6 t. M.: TERRA – Knizhnyj klub, 2004–2005.
13. Janovskij V.S. Sobranie sochinenij: v 2 t. M.: Gud'jal-Press, 2000. T. 2.

Artistic image in virtual space: Varlam Shalamov's "biconvex lens" and George Ivanov's "talent of double vision"

The aesthetic aspect of the virtual and the virtualization process are considered as phenomena that correspond to modern ideas about the nature of the creative process in general and the specific attitudes of individual authors in the poetic aspect.

Key words: *adequacy, virtual, virtualization, theory of reflection, fiction.*

(Статья поступила в редакцию 30.07.2018)